

События той ночи не замедлили дойти до ушей канцлера Вана. Впрочем, появление какого-то нового компаньона его мало заботило: для сына это была лишь очередная живая игрушка, способная скрасить скуку. Куда сильнее Ван Яна удручали успехи Ван Чии в словесности. Трактаты его отпрыска хоть и могли со скрипом позволить преодолеть столичные экзамены, но для того, чтобы претендовать на звание таньхуалана при дворе, они были безнадежно слабы.

Канцлер втайне досадовал, что его сыну не досталось и сотой доли таланта Шэнь Вэньчжи.

Однако спустя всего несколько дней он с немалым удивлением обнаружил, что слог Чии стал заметно изящнее, а рассуждения — глубже.

Будучи полновластным хозяином поместья, Ван Ян знал обо всём, что происходило в этих стенах. Стоило ему лишь пожелать, и тайное становилось явным. Прознав, что за переменами в сыне стоит тот самый новый компаньон, он впервые по-настоящему обратил внимание на имя Цзи Линьси.

— Что скажешь о нём? — спросил канцлер, прикрыв глаза, у своего советника Го Синъяня.

— Раз он сумел заставить молодого господина взяться за ум, значит, способности у него имеются, — с улыбкой поклонился тот. — Пока этот человек приносит пользу, нет нужды прогонять его.

Глубокая ночь Академия Шаньсюэ

Став компаньоном Ван Чии, Цзи Линьси освободился от дневных занятий, однако спать по-прежнему возвращался в стены академии. Видя, что он удостоился благосклонности сына канцлера, некоторые ученые сменили гнев на милость. Теперь они заискивающе улыбались ему, надеясь через Линьси выхлопотать и себе теплое местечко. Другие же, напротив, демонстративно воротили носы, язвительно шепчась о том, что это лишь подлое подхалимство и погоня за легкой наживой.

Пока одни читали, а другие украдкой поглядывали на Линьси, который усердно скрипел кистью за своим столом, во дворе послышались шаги. Дверь распахнулась, и на пороге появился мужчина лет сорока с окладистой бородой. По его властному виду и свите слуг было ясно — этот человек в поместье не из последних. Он объявил, что господин канцлер желает видеть ученых и велит им взять свои статьи.

Для затворников академии, томившихся в ожидании, эта весть стала подобна живительной влаге, пролившейся на иссохшую землю. Усталость как рукой сняло. Поспешно приведя себя в

порядок и вооружившись своими лучшими сочинениями, они гурьбой отправились вслед за гостем.

Молодой человек же, недолго думая, прихватил с собой только что законченную работу.

Вскоре они оказались во внутреннем дворе и переступили порог кабинета канцлера.

— Неплохо.

— Весьма недурно...

— И впрямь достойно.

Ван Ян, восседая в массивном кресле, украшенном золотой росписью, неспешно перебирал листы. Отложив очередной свиток в сторону, он поднял взгляд на стоящих перед ним юношей. Лицо его выражало благодушную кротость.

— И впрямь, талантами наша земля не оскудела. Ваши работы написаны мастерски.

На лицах ученых расцвели радостные улыбки. Они наперебой принялись скромничать, уверяя, что им еще далеко до истинного совершенства.

— Ох... — Управляющий поднес чашу с чаем. Хозяин поместья принял её, осторожно приподнял крышечку и подул на пар. — В последнее время навалилось столько дел, что только сейчас я выкроил минутку, дабы взглянуть на ваши труды. Надеюсь, слуги не обделяют вас вниманием? Если кто-то проявил небрежность — скажите мне прямо, я сурово накажу виновных.

— Я редко бываю дома, за всем уследить не в силах.

Слыша столь мягкие, почти отеческие речи от могущественного канцлера, ученые, в душах которых еще тлела обида на холодность челяди, мигом растаяли. Они были тронуты до глубины души.

— Что вы, господин! К нам относятся превосходно. Недавно я случайно залил одеяло чернилами, так мне тотчас принесли новое, — выпалил один из них.

— Вот и славно, — Ван Ян отпил глоток и поставил чашу.

Он начал по очереди расспрашивать каждого о его происхождении. Дойдя до Линьси и услышав, что тот родом из Юнчэна, канцлер сокрушенно вздохнул:

— Юнчэн... Прекрасный край, моя малая родина. Когда-то и мой дядя со своей семьей жил там, но, увы, совершил непоправимую ошибку...

В глазах его промелькнула тень печали. Ван Ян прекрасно помнил, каков был нрав его дяди — человек он был не злой, но умом не блистал. Именно поэтому он в свое время оставил его в Юнчэне. То, что тот закончил свои дни в темнице, совершив «самоубийство от страха наказания», было виной его собственного сына.

Сын тот был ядовит и глуп, и даже не пытался это скрывать.

Да еще и жена, не смыслившая в воспитании, чья душа была заперта в стенах внутренних покоев, а сердце выжжено завистью к наложницам. Не будь они столь никчемны, вряд ли бы так легко попались в ловушку наследного принца.

Линьси, едва услышав эти слова, понял, что речь идет о покойном господине Ване. Сделав скорбное лицо, он тихо произнес:

— Прошу господина канцлера не терзать себя печалью.

Ван Ян смахнул воображаемую слезу широким рукавом и перевел тему:

— Слышал, мой непутевый сын упросил тебя стать его компаньоном?

— Молодой господин оказал мне великую честь, я не смею называть это простым приглашением.

Канцлер вновь вздохнул:

— Сын мой — сущий лоботряс, я уже всю голову сломал, не зная, как наставить его на истинный путь. Но недавно я заметил, что в его сочинениях появился проблеск мысли. Спросил его, и он ответил, что у него появился новый спутник по имени Цзи — человек занятный, острый на ум и приятный в общении, который не просто слушает, но и растолковывает ему сложные места. Взглянув на твой сегодняшний труд, я убедился: слог твой изящен, мысли льются подобно чистому ручью, в них нет и следа сухой заученности. Истинный блеск таланта.

Услышав это, Линьси понял — все его труды не пропали даром.

Чтобы дожидаться Ван Чии, он ночи напролет читал в саду, терпя укусы мошкары. А готовясь к

сегодняшней встрече, он заранее продумал всё до мелочей. Одно дело — представить выверенную, написанную ранее работу, и совсем другое — показать нечто свежее, созданное словно на одном дыхании прямо сейчас. Последнее всегда ценится выше.

Канцлер продолжил:

— Раз уж мой непутевый сын так ценит тебя, господин Цзи, то отныне ты официально становишься его компаньоном. Поместье будет выплачивать тебе пятьдесят лянов серебра ежемесячно. Также тебе выделяют комнату в покоях Чии, чтобы ты всегда был рядом. Поручаю его твоим заботам.

Линьси не стал скрывать вспыхнувшего в глазах восторга — он изобразил человека, на которого внезапно обрушилась величайшая милость. Пав на колени, он с жаром воскликнул:

— Благодарю господина канцлера! Ничтожный до смерти тронут вашей добротой!

Быть просто позванным сыном канцлера и быть официально назначенным самим Ван Яном — вещи совершенно разные. Между этими двумя положениями лежала целая пропасть.

Когда Линьси собирал вещи, чтобы покинуть академию, Су Цили вцепился в его руку, уверяя, как ему будет не хватать их дружбы. Он разливался соловьем, вспоминая их общее прошлое и демонстрируя крайнюю преданность. Лишь когда Линьси бросил небрежное: «Если судьба вознесет меня, я не забуду брата Цили», тот наконец успокоился и разжал пальцы.

Выйдя за порог, Линьси брезгливо стряхнул руку и, криво усмехнувшись про себя, направился к новой жизни.

В ту ночь, словно в награду за успех, прекрасный принц вновь явился в его сны.

Узнав, что Линьси стал официальным компаньоном, гость ласково похвалил его:

— Не ожидал, что ты приложишь столько усилий.

— При нашей первой встрече в Юнчэне ты был лишь бродягой без будущего, а теперь — доверенное лицо в доме канцлера.

— Право, я даже не знаю, как выразить своё восхищение тобой.

Их свидание превратилось в упоительный танец страсти. Юноша, задыхаясь от его поцелуев,

прижимался к нему, а его иссиня-черные волосы рассыпались по ладоням Линьси шелковым водопадом. Щеки собеседника пылали густым румянцем, а в глубине глаз, точно в чаше с теплой водой, дрожали блики желания. От этого жара на ресницах Чу Юя выступили слезы-жемчужины, готовые вот-вот сорваться вниз.

Алые губы, прежде нежные, как лепестки персика, от их ласк налились сочным, почти багряным цветом.

Этот багрянец — и на щеках, и на губах — проникал в самое сердце Линьси, разжигая внизу живота нестерпимый огонь. Он тонул в этом наваждении, не желая возвращаться.

Однако, не дав им дойти до конца, прекрасный принц отстранился, прошептав, что время вышло.

Поправив ворот одежд, он на прощание оглянулся, и его нежный голос эхом отозвался в сознании:

— Господин Цзи, если хочешь увидеть меня наяву, тебе придется стараться еще сильнее.

— Я буду ждать того дня, когда мы встретимся в реальности.

Пробудившись после такого сна, Линьси чувствовал в себе небывалый прилив сил. Он расставил книги на полках, а затем, не прерывая чтения, выполнил комплекс упражнений: отработал удары, выдержал вес, пока горела палочка благовоний, сделал несколько подходов на укрепление мышц пресса и отжимания. Лишь после этого он умылся, стер пот, переоделся и отправился на службу.

Быть компаньоном Ван Чи на деле мало чем отличалось от доли слуги. Линьси не гнушался никакой работы: и чай подать, и воды принести.

Сын канцлера был человеком скорым на расправу и мелочным. Стоило чему-то пойти не так, как он срывал злость на подчиненных. Его новому спутнику тоже доставалось, но тот вел себя необычайно: если его били по одной щеке, он подставлял другую. Такая невероятная толстокожесть в сочетании с красноречием и умением мастерски править трактаты вскоре снискала расположение хозяина. Тот начал повсюду таскать компаньона за собой.

И на занятия, и на прогулки — они стали неразлучны.

Пятнадцатое число десятого месяца Праздник Сяюань

Ван Чии, долгое время не покидавший поместья, наконец получил позволение отца на целый день отдыха. Облачившись в самое щегольское платье и вооружившись изящным веером, он велел Линьси сопровождать его.

— Ты, деревенщина, небось, и не видел никогда, как в столице Сяюань празднуют, — самодовольно бросил он. — Что ж, сегодня я покажу тебе настоящий мир.

<http://bllate.org/book/15344/1416468>